

Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н. Михеева «Стихи Мнемозине»

mironovacolor.org > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 5](#)

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*
А. С. Пушкин

*Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек.*
В. Брюсов

Поэзию Константина Михеева хочется назвать классической по форме и романтической по содержанию.

При первом прочтении впечатляет темперамент Поэта, «буйство глаз и половодье чувств», мощное звучание голоса.

Как будто не остаётся сомнения — это чистый романтизм, близкий к стилю XIX-го века, особенно французскому (Бодлер, Рембо, Верлен, а также Шеллинг, А. Бертран, К. Бальмонт...)

Если выстроить в два столбца категории классического и романтического искусств — окажется, что Константин Михеев выполняет все заветы второго, и только в некоторых отношениях наследует классические традиции.

Аристотель начинал перечень категорий поэтического искусства с *подражания*. Иными словами, произведение поэта (будь то трагедия, комедия или лирика) — ценно настолько, насколько правдиво оно отображает жизнь со всеми её компонентами и перипетиями. Проще говоря, законодатель классической античной поэтики высоко ценил реализм в искусстве.

Можно ли назвать поэзию Константина Михеева реалистической, как, например, поэзию Пушкина, Некрасова или А. Кушнера? Думаю, что критерием истины в данном случае будет не подсчёт строчек, отображающих реалии жизни (пейзаж, портрет, бытовые зарисовки). Скорее, следует принять во внимание, куда направлен взгляд поэта, что его вдохновляет. Очевидно, по преимуществу — не быт и не картины с натуры, но прежде всего — свободный ум и любимые думы; это размышления и чувства, пробуждаемые чтением книг типа мифов, древнего эпоса разных народов, произведений современных мастеров литературы и философии. У Константина Михеева на первом плане — свободная мысль и ничем не скованное чувство, а жизненные наблюдения — лишь повод для размышлений. Он — по преимуществу романтик.

Одна из главных категорий классической эстетики — *мера*.

Аристотель признаёт наилучшей мерой в искусстве «золотую середину» — «ничего слишком» — ни много, ни мало. Относительно поэзии Константина Михеева можно утверждать: этой заповеди он не выполняет. Его любимые приёмы (тропы) — гипербола (преувеличение), или литота (преуменьшение). Мир рассматривается через бинокль — увеличивающий или уменьшающий. Например:

*Миры умирают мгновенно,
Человечьи зрачки — безбожные солнца
«Вокруг летят в тартарары
Строенья, поезда, / селенья, страны и миры,
Моря огня и льда...»*

И миллион кровотоцит / за каждую строкой.

Я затрудняюсь назвать стихотворение К.М., в котором бы не было подобных гипербол. А если уж Поэт желает что-либо уменьшить, то буквально смешивает с прахом. Жертвы его унижений — он сам и его единомышленники — Мы.

*Мы — мясо пушечных бесед,
мультяшных мифов плоть,
нас радио, экран, офсет
спешат перемолоть.*

Незавидная судьба ждёт и плоды творчества молодых поэтов:

*И сгребёт, ухмыляясь, дворник
вместо листьев стихи мои в кучу.*

Впрочем, Поэт предвидит и лучший итог своих трудов и вдохновений — но в более или менее далёком будущем:

*Я всё-таки переживу тебя, мой век, —
в сухих зрачках слепцов и в поступи калек,
в объятьях полночи, распахнутых крылато,
в кислотно-слякотной палитре Сити-лайта,
в крикливом вареве регалий и знамён,
в пространствах без надежд и странах без имён,
в рыданиях тех, кто только раз открылся чуду...
Мой крест, мой крик, мой грех: я был, я есть, я буду.*

Это стихотворение могло бы быть эпиграфом к исследованию творчества Константина Михеева, или цитатой, завершающей текст о Поэте. В нём воплощены главные особенности поэтики и эстетики Мастера Слова.

Существенный компонент мироощущения художника (любого жанра) — соотношение категорий *прекрасное-безобразное*, а также связанных с ними — *добро-зло, красивое-отвратительное*. Для классического искусства характерно преобладание прекрасного — в целом и в деталях, в форме и содержании произведения. В античной трагедии происходит борьба добра со злом, — и побеждает добро; на сцене прекрасен не только подвиг, но даже смерть. В романтическом искусстве (особенно Новейшего времени) появляется заметная тенденция опозитивирования зла и безобразия; таковы некоторые течения стиля модерн, сюрреализма, экспрессионизма, а также романтическая поэзия. Несколько примеров:

*И полюбил мой взор слепой
Лишь гнили тусклое мерцанье
(Ш. Бодлер)*

*Как страшно всё! Как дико! Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.
(А. Блок)*

*Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное... (и т.д.)
(З. Гиппиус)*

Философия XX века немало потрудились над объяснением источников и причин романтического культа зла, сатанизма, крови, безумия, насилия... Лев Шестов: «Добро не оправдало возлагавшихся на него надежд. Разум — тоже очень мало принёс. И истомившееся человечество отвернулось от своих старых идолов и возвело на трон зло и безумие» (Апофеоз беспочвенности).

Стихи К.М. изобилуют картинными, мягко говоря, антиэстетического свойства. В них много некрасивого, отталкивающего, страшного и жуткого. Поэт описывает свою внешность и экипировку с достойной удивления откровенностью: у него «ворот кургузый», дырявая душа и такие же карманы, в кровь искусанные губы. Он живёт в доме с ветхим скрипучим

карнизом, жалуется на вечно дурную погоду; в его стихах — скудная природа, туманный воздух, часто идёт дождь (ливень). Он питается в дешевых столовых, а иной раз довольствуется стаканом кипятка и пачкой «Беломора». Нередко плачет или рыдает.

Ещё печальнее дело обстоит в мире, где обитает Поэт. Он замечает безобразие то в Петербурге, то на железной дороге, то в старом Минске. В разделе «Пейзаж» данной работы читатель найдёт множество примеров антиэстетического пейзажа — грязного, грозящего разрушением, антигуманного. Думаю, что пристрастие Поэта к таким пейзажам вызвано их аллегоричностью — под архитектурой подразумевается весь наш мир, — увы, далекий от совершенства. (Вспомним — всякое произведение искусства может быть символом.)

Творцы эстетических учений с древности и до наших дней пользуются понятием *красоты*. Это слово часто употребляется также деятелями сферы искусства и «простыми людьми» — зрителями, слушателями, читателями. Если бы мы спросили кого-либо из них, что такое *красота* — получили бы в лучшем случае ответ: «То, что мне нравится», а то и вообще никакого вразумительного ответа.

Причина такой неопределённости в том, что понятие это не научное, а, скорее, бытовое, отображающее эмоции отдельных индивидуумов, их вкусы. А о вкусах, как известно, не спорят.

Константин Михеев создал интересное миниатюрное эссе о красоте.

Стихотворение состоит из семи 4-строчных строф (28 строчек). В первых 16-ти строчках ясно излагается мысль: истинная красота — в смерти, в загробной жизни и думах о ней. Ещё две строфы прозрачно намекают на близкое родство любви и смерти — отсюда и красота любви: там, где творится любовь — там пахнет смертью (мысль весьма древняя).

И, наконец, в последней, седьмой строфе Поэт говорит о красоте поэтического творчества:

*Красиво, что ты, а не кто-то
вдруг осознал, как красиво
стать рваною строчкой экспромта,
не сданной Богом в архивы.*

В юношеских стихотворениях Константина Михеева есть строчки, проникнутые нездешней красотой, почти в стиле символистов. Сквозь прозрачную вуаль их метафор просвечивает та же идея: красота — в смерти или любви. Иного не дано.

*Серебристую розу на длинном мерцающем стебле
на полях элизийских сорву и тебе подарю
босоногий борей пробежит асфодели колебля
и бесплотные губы вопьются в сырую зарю*

Загробный мир — обитель красоты, но и здесь не без жутковатых образов: бесплотные губы, тлеющий стыд, сырая заря, рыдание от счастья и холодная слава.

Но несомненно — подлинная и неподдельная красота в поэзии К.Михеева есть — она в математической точности метрики, в идеальной структуре стиха, в изобретательности рифм, музыкальности созвучий, живописном мастерстве картин и зарисовок. Всё это воспринимается подсознанием читателя (в том числе и не слишком искущённого) — и вызывает ответную реакцию: красиво!

Что касается классических категорий *единства (связности)* всех частей произведения — то здесь К.М. придерживается классических канонов.

Прежде всего, строчки стихотворений связаны рифмами и единообразным метром; они сгруппированы в строфы и части (при больших объёмах текста).

Упомянем, что формы стихотворений обычно наследуют классические метры: дактиль, ямб, амфибрахий, александрийский стих, гекзаметр, а также сонет, оду, поэму, посвящение. Однако, нередко внутренние связи между строчками (по смыслу) бывают скорее свободными и ассоциативными, чем логическими.

Думаю, что Константин Михеев от рождения обладает живописным зрением и музыкальным слухом. Он впечатлителен к формам, краскам, фактурам и звукам. Подобно

живописцу, он наделяет вещи и пространство человеческими чувствами, ощущает их состояние, характер движения, световую среду, окраску, колорит.

Его кисть *беспощадно и страстно в полёте, как птица-подранок звенящим крылом задевает то травы, то волны, то кроны.*

Не случайно поместил Поэт в начало книги небольшое стихотворение в 12 строчек, где все поэтические образы связаны с цветом или светом. Это своего рода введение в систему поэтики, демонстрация излюбленных приёмов и средств выразительности. Мы видим воочию, как озорные лучи бегут по распахнутым книгам, ... чайная роза плывёт пред глазами пылающим бригом, сравнимая с цветастым цыганским подолом, изорванным шелком пунцовым. Зрительные образы не знают ограничений в пространстве и времени, они предельно свободны. Вот черёмуха брызжет навстречу соцветием шалым — а вот уже эскадра Колумба пускается в кругосветное путешествие, чтоб плоскую землю заставить вращаться неистовым шаром.

Почти в каждом стихотворении видим — то пейзаж, то натюрморт, то орнаментальную виньетку. Ослепительные вспышки света сменяются глубоким мраком. И свет, и мрак разнообразны по силе и выразительности (научно выражаясь, по спектральному составу). Свет — это не только солнечные блики, но и мертвые шальные огни железнодорожной станции, и бездомные, ясные, сумасшедшие звёзды/ потерянной нами страны, / и дрожь неона в баре, и пламя Порт-Артура и Цусимы.

Мрак тоже не бывает одинаков: на станционных путях он свистящий, стенающий, гремящий металлом; в ночном городе гуще и чернее нефти. А в часы интимного общения с женщиной — ночь непробудна, безбрежна, темна — как её речь.

Часто поэтическое действие происходит на сероватом и грязноватом фоне сумерек, предраусветной мглы, дождливой погоды в городе.

*Громыхая дождями по серым кварталам,
серебристую каплей на веко упав,
вдруг становится осень листом пятипалым,
убаюканным мутной водою канав.*

Город — родная среда Константина Михеева, ему посвящено много стихов. Вот картина европейского города, на который обрушились бедствия Второй мировой войны. Здесь всё окрашено в серо-черно-красную триаду цветов — грязи, крови, катастрофы.

*Грязные стёкла ночью
Серая безлюдная бездыханная площадь
Багряный лист-бомбардировщик
Стальная паутина заграждений,
Пунцовая осень...*

Невольно возникают апокалипсические ассоциации: наступает Судный день, и погоны на шинелях — как крылья серафимов, свершающих возмездие греховному человечеству.

Яркими красками, хотя и лаконичными штрихами, пишет Поэт неизбежную сцену отправки солдат на фронт. Тёмные вагоны, переполненные солдатами, подобны чревам материнским, но на штыках алеют розы — может быть, предчувствие крови, а может быть — предвестие победы. Лица женщин ярче, чем знамёна, они запечатлеваются в памяти солдата надолго — может быть, до самой смерти.

Враги мирной Европы, агрессоры Третьего рейха, изображаются в другой гамме. Они — белокурые твари, с глазами прозрачней хрусталя, с белозубой улыбкой. Здесь белый — это цвет смерти, холода, безлюдья, цвет небытия и пустоты.

На фоне роскошной белизны цветущих вишен совершается трагедия гибели дворянского гнезда, а вместе с ним целой эпохи русской истории. Таков сюжет стихотворения «Вишнёвый сад», внушающего настроение светлой грусти, приправленной сладковатым дыханием смерти.

*Мягкий пепельный вечер с усталой прохладой,
Со спокойной печалью опущенных глаз...*

Вечер весеннего дня с чаем и барскими забавами (биллиардом) — скупое, двумя штрихами

выписан в изысканной золотисто-лиловой гамме с зеленым акцентом:

*Стынет липовый чай на дрожащем подносе,
лиловеют деревья за влажным стеклом,
и холёные лица, как в поле колосья,
золотятся, склонясь над бильярдным столом.*

Но вот началось убийство вишнёвого сада. В палитре Художника появляется цвет смерти. На выцветших розовых шторах — цвет сукровицы, старческого румянца, искусственных цветов в погребальных венках.

*Мы уходим. За нами приходят другие
и смеются нам вслед, вырубая сады.*

Лирический герой Константина Михеева инстинктивно стремится к краскам жизни — зелёной и коричневой. Он идёт в сад:

*посмотреть на зеленую клейкую завязь
на коричневой ветке в вишнёвом саду.*

Мальчик верит в возрождение Сада. Но конец стихотворения ужасен: гибнет мальчик, а вместе с ним и Сад.

Богатством цветковых образов особенно отличаются стихотворения «*Кое-что о кармине*» и «*Вечернее причастие*».

Поэт причащается закатным небом, как красным вином:

Дряхлого ситца куском/ небо касается уст.

В этой первой строчке задана предельная высота полёта мысли и движения взгляда. Она (высота) обязывает продолжать библейские ассоциации: хочется сравнить закат с неопалимой купиной — огненным кустом, явленным Моисею в пустыне. Но Поэт — житель города. Он бродит по вечерним улицам, и красный цвет приобретает в его воображении оттенок кока-колы. Вспоминаются также пурпурный кровоподтёк, колотый в брызги кирпич, плавкий тягучий овал, проба незримой кисти... Последняя дань библейским ассоциациям — кровь претворяется в китч.

Таково пагубное влияние города — гнездовища греха (в романтической традиции). Даже зрелище пурпурного заката напоминает здесь небесную рану, а облака — вату, пропитанную кровью.

Мы помним, как подобная картина рождала в воображении другого художника совсем другие образы:

*На небе, красном, как марсельеза,
Взрагивал, околевая, закат. (В. Маяковский)*

Нынешний житель города реагирует на пышное зрелище иначе:

Ну, добрый вечер, тоска! (К. Михеев)

Увы! Душа горожанина втайне сроднилась со всеми этими мрачноватыми красóтами: *Красок неоновых гарь, выдохов тягостных взвесь родственны нашим сердцам, — мы не выжили врозь бы.*

Волшебная палочка искусства претворяет казнь в песнь, хлеб в тело Господне, а вино — в кровь евхаристий. И так заключает Поэт:

Шествуй закату вослед, по сторонам не зевай...

Стихотворение *Жасмин* (2010 г.) — ещё один шедевр импрессионистической живописи в белоснежной гамме. Здесь Поэт создал синтез цвета, звука и аромата. Зрелище цветов жасмина вызывает в его душе поток ассоциаций: немота и нежность лепестка,

*Снежная лавина, мраморное изваяние,
Кружевные манжеты,*

Жасмин — франт, недотрога, денди... В сравнении с ним сирень — мешанка, белошвейка. Белизна цветов пенится и поёт на фоне зелени мокрых от дождя листьев. (Вспомним, что белое с зеленым — излюбленное сочетание красок в средневековой японской поэзии: это цветущая сакура, белые хризантемы, снег на ветвях деревьев.) Завершим этот раздел фрагментом стихотворения Константина Михеева.

*Мне кажется порой: январь — не месяц,
а трепетный озябший рисовальщик.
Он гладит землю кистью, с неба свесясь,
доверчивый полубезумный мальчик!*

*В тот час, когда в простуженной Европе
вино смакуют, поминая всуе
Господне имя, он рисует хлопья
в холицовом небе и, снега рисуя,*

*смеётся. Треск поленьев, свет неяркий
морозами раскрашенные лица.
Европа тащит ко столу подарки,
Россия плачет, пьёт и матерится.*

...
*Води влюблённой кистью, мальчик милый!
Малюй, малюй, пацан умалишённый!*

ЗВУКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

*Лавой беги, человечество.
Звуков табун оседлав,
конницу звука взнуздай.
В. Хлебников*

В стихах Константина Михеева, помимо обязательного для всех поэтов ритма, составляющего основу музыкальности, существенным и эффективным приёмом являются созвучия гласных или согласных (помимо рифм). Они дополняют и украшают словесный образ, как яркий цветок на зеленом стебле, как роза на груди Кармен, или усы на лице Сальвадора Дали. Эти изысканные повторения слогов и звуков — не только украшения. Они подчеркивают настроение и углубляют смысл стиха, останавливая на нем внимание.

Прочтем ещё раз заглавное стихотворение «Стихи Мнемозине» — на этот раз отметив фонетические перлы языка. Придётся начать с небольшого возражения Поэту: звуки имени Мнемозины — не только яростные и грозные. Первая часть имени — «Мнемо» — звучит мягко и нежно, оно тает на губах, оно подобно мычанию новорожденного теленка, или первому слову матери, обращённому к младенцу.

Мнемо — это па — мять, то есть нечто помятое, намятое, чем наполнены наши мозги. Это ласковое мяу, это успокаивающий запах мяты, покой немоты.

Совсем другие ассоциации вызывает вторая половина имени богини: «зина». Звук з — морозный, острый, и даже яростный и грозный, по словам Поэта. Память-Мнемозина способна завлечь, обмануть чем-то мнимым, создать иллюзии:

*Близь блазила, даль одолевала,
и чело венчала седина.*

Выразительно прозвенели звуки «з» в четвертой строфе стихотворения. «Зоркие озёра-зеркала» — это глаза прошлого, которое смотрит на нас зоркими зрачками:

*Прошлое жадно глядится в грядущее,
Нет настоящего, жалкого — нет. (Александр Блок)*

Звук «з» зудит, как зуммер, звенит, как летящая мина, свистит, как дрезина.

Он колючий и опасный, как мороз, острый, как зоркий взгляд. Даже роза — двусмысленный цветок, в центре которого зияет пустота. Этим словом

заканчивается заглавное (программное) стихотворение «Стихи Мнемозине».

Звуки «з» и «с» как будто призваны звучать там, где пожар, катастрофа, безумие.

*Взнузданы уздою золотою
Скачут искры, с треском угасают...*

Невольно возникает вопрос: почему Константин Михеев пишет имя своей богини через «з», а не через «с»? Ведь в научных трудах А.Ф. Лосева, Р. Грэйвза, А.А. Тахо-Годи имя богини — Мнемосина. У него совсем другое звучание, более мягкое и сыпучее. Звук «с» — это Солнце, Синай, Сын, синий сон (вспомним —

*«Мой синий сон, и сени саней золотые,
Зимы седой и сизый стон
И теми тени дымовые» (Вяч. Иванов)*

Слова с первым звуком «с» звучат музыкально: одна из самых музыкальных строчек К.М. насыщена этим звуком:

Сияя, в сини высился Синай.

Эта фраза как будто сыграна на скрипке.

Однако, звук «с», так же, как и «з» — амбивалентен по смыслу. «Соната сатаны» в стихах Константина Михеева — это нечто из ряда какофоний, а там, где «псам поют псалмы» — уже свершается сила зла.

В стихотворении «Мнемозине» высказано двоякое отношение к этой богине. Когда Поэт желает выразить восхищение её особой — он настраивает лиру на звук «п»:

*В пених одежд и пене крыльев
представала предо мною ты.*

Это пение и белоснежная пена переносят нас в сферу музыки, мадригала, морского побережья с пеной ласковых волн, пения соловья... Но, конечно, и в звуке «п» содержится некий неприятный подтекст — он часто имеет место в словах с негативным смыслом: пыль, пот, порок, погост, прогул, просчёт, профанация... В стихах К.М. этот звук нередко появляется там, где «время корчит страшные гримасы»:

*Словно пленник в путах и под плетью,
о свободе вспомнивший впервые.*

Или там, где разум засыпает «в хрустальной пене» — под влиянием недобрых чар.

*Почувствуешь презрение к прозренью,
Поймёшь безвинность собственной вины.*

Бог классической злодейки Лукреции Борджа — пурпуровый палаческий помост, а её красота — погубительные, пагубные губы.

Впрочем, в элизийских полях, где нет страдания и нет порока — звук «п» поёт песню покоя и забвения:

*Онеменьем полуденным губы пьяны,
по колено поляны полны анемонов.*

К мягкости «п» присоединяется напевность слогов «лено-ляно-олны».

Насыщенность таких стихов звуковыми эффектами напоминает строчки Вячеслава Иванова:

*Былою белизной душа моя бела
И стелет бледно блеск безбольный,
Когда пред алтарём святым своим зажгла
Любовь светильник богомольный.*

(С. Аверинцев счёл такие пассажи излишеством. А по-моему, в них уже провидится

звукотпись Хлебникова и Кручёных, иными словами, революция в литературе).

В стихах Константина Михеева часто звучат сочетания согласных, создающих у читателя подсознательное ощущение то ужаса, то блаженства.

*Ой, болит распоротое брюхо
и уста распухли речью бранной.
Видно бес попутал нас, братуха,
поселясь навек в стволе нагана.*

Вы слышите, как сипят «сп-ст-сп-сп», как рычат «бр-бр-бр», ухают, хлопая рваными рукавицами «юх-ух-ух»? Но, когда речь идёт о снежинке, упавшей на ресницы Поэта — строчки хрустят, как накрахмаленный кринолин и блестят, как хрусталь.

*В хрустальном кружеве, в хрустящем кринолине
безвольно падаешь, порхая и танцуя.*

В первом десятилетии XXI-го века Константин Михеев создал стихи, в которых изощрённость поэтических приёмов достигла еще более высокой степени. Рассмотрим два примера.

Одно из стихотворений — баллада о герое скандинавского эпоса Зигмунде и его подруге Зиглинде. Рыцарь мчится на коне, преследуя волка. Короткие строчки стиха бешено скачут, отбивая ритм ударениями по три раза на каждой строчке:

*Всадник мчится как смерч
сквозь бурелом напролом
в брызги расколот меч
и пополам шелом*

*Конь задыхаясь храпит
в пене шершавый язык
глушит топот копыт
лай ненасытных борзых и т.д.*

Здесь настолько выразительна фонетика, что не требуются знаки препинания. Это стихотворение можно играть на барабанах и кастаньетах.

Напоследок пример словесной живописи в синтезе с музыкой — стихотворение «В апрельском небе акварельном» (2010 г.) Это подвижная картина весенней грозы — почти кинематографическая. В небе «колдует грифель карандашный», направляемый невидимой, но могучей рукой. Он рисует грозные облака, затем разражается гроза, сверкает молния, озаряя на мгновение земной пейзаж, грохочет гром, ливень обрушивается на землю.

*Как сон заветный колориста,
день облачит эскиз нехитрый
в неугомонное монисто
бренчащей красками палитры.*

Смысл последней строфы этого 8-строфного стихотворения затемнен сплошной завесой весеннего ливня, но интуитивно прозревается:

*Но прозревать порою страшно
В цыганщине весенней ливня
Щепотку пыли карандашной
Рождение разящих линий.*

Музыкальная палитра Константина Михеева не менее богата, чем цветовая. Перелистывая книгу, мы найдём в строчках звуковые образы самого различного характера — от молчания до грохота, от шепота до крика.

Вот далеко не полный перечень примеров.

Звуки человеческие

Речь, стон, плач, полушёпот, смех, хрип, голос, крик, пение, рыдание, сопение, шёпот, вопли, лепет, бормотание, болтовня, воркование, всхлипы...

Звуки музыкальные

Колокольный трезвон, пение оркестра, соната Шопена, хоральное эхо, бешенство копеечного блюза, архангельские трубы, лязганье смычков, стон валторны...

Природные звуки

Тремор дождя, шёпот раки, эхо, сытное хлюпанье глины, стук капель (дождя), вороний грай, цоканье копыт, гремящий мрак, хрип скакунов...

Техногенные звуки

Скрип, шуршание, телефонный звонок, рев моторов, шум: гремящий, свистящий, стенающий мрак; мир голосит, дребезжит, верещит; разрывы бомб, хохот клаксонов, звон, гудок, визг (дверцы машины)...

Думаю, что этими звуками можно написать симфонию в духе Шёнберга или Пендерецкого, а может быть, и того круче.

Продолжение

Л. Миронова,
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)

[mironovacolor.org](#) > Статьи > **Сказание о Константине. Часть 5**

Copyright © 2004—2014 Миронова Ленина Николаевна, Иванов Дмитрий Григорьевич

Вопросы, комментарии и предложения высылайте по адресу: frosofco@gmail.com | [ВКонтакте](#) | [Facebook](#)